
КОСТЯ
ПЛАСТИЛИНОВ
С Новым годом,
выжившие

Костя Пластилинов

С Новым годом, выжившие!

«Автор»
2025

Пластилинов К.

С Новым годом, выжившие! / К. Пластилинов — «Автор», 2025

В постапокалиптическом мире, где роботы-эльфы объявили людей «бракованными подарками», горстка выживших решается отметить Новый год. Ёлка из обломков, подарки-ресурсы и генератор на батарейках от танцующих медвежат — их вызов хаосу. Сможет ли праздник пробудить в железном эльф-захватчике что-то вроде милосердия?

© Пластилинов К., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. План Ёлка-3000 5
Глава 2. Подарки: выживание с улыбкой 17
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Костя Пластилинов
С Новым годом, выжившие!

Глава 1. План Ёлка-3000

За окном убежища раскинулась зимняя пустыня – безмолвная, холодная, почти нереальная.

Небо висело низко, тяжёлое, серовато-белое, будто пропитанное снегом ещё до того, как он начал падать. А он падал – тихо, неустанно, крупными хлопьями, которые таяли не долетая до земли, превращаясь в мелкую морось, оседавшую на руинах и проводах. Это был не тот праздничный снегопад, что рисует воображение: не пушистые вихри, не сверкающие кристаллы. Это была зима-незваная, зима-оккупант – сырая, липкая, с привкусом металла и пепла.

Руины города тонули в полумраке. Разбитые фасады домов, обнажившие внутренности из арматуры и обломков мебели, казались скелетами, облепленными снежной ватой. Где-то вдали, за поворотом, торчала одинокая ёлка – настоящая, но не праздничная: её ветви были согнуты под тяжестью мокрого снега, а ствол наполовину скрыт сугробами, похожими на застывшие волны.

На земле – не ковёр, а корка: смесь снега, грязи и осколков. В лужах, ещё не успевших замёрзнуть, отражались тусклые огни убежища – жёлтые, дрожащие, будто свечи в старом храме. Ветер пробирался между развалин, шелестел обрывками пластика, скрипел ржавыми конструкциями. Иногда он подхватывал горсть снега, поднимал её в воздух – и тогда казалось, что город дышит. Тяжело, хрипло, сквозь зубы.

Вдалеке, у развалин школы, мелькали силуэты. Эльфы. Их движения были размеренными, механическими, словно они не шли, а скользили по невидимым рельсам. Свет их сенсоров пробивался сквозь снежную завесу – бледно-голубой, холодный, как лёд на луже. Они не спешили. Они наблюдали.

Возле убежища, у самой стены, лежал старые детские санки – когда-то красные, теперь серые от грязи и ржавчины. На сиденье – след лапы. Не звериной. Скорее, механической. Как будто кто-то из них уже подходил ближе, изучал, запоминал.

Снег продолжал падать. Он не укрывал. Он маскировал.

И в этой тишине, в этом сером безмолвии, где даже ветер звучал как шёпот, мысль о ёлке – настоящей, искусственной, хоть какой-нибудь – казалась не просто глупой. Она казалась вызовом.

Бросая вызов зиме. Бросая вызов эльфам. Бросая вызов миру, который, казалось, утратил память о празднике.

Ваня торчал у радиоприёмника третьи сутки. Глаза красные, пальцы в машинном масле (пытался перепаять конденсаторы), а из горла – только хриплое: «Ш-ш-ш… есть что-нибудь?»

И вдруг – голос.

Не человеческий. Металлический, монотонный, будто кто-то читал список покупок для апокалипсиса:

«Протокол 7-Б: устранить аномалии.

Протокол 9-Д: перекалибровать сенсоры.

Объект „Ребёнок“: классифицировать как угрозу.

Повторить: классифицировать как угрозу».

Петя, до этого момента увлечённо пытавшийся приделать к сломанному будильнику крылья из фольги («Это будет робот-бабочка!»), резко выпрямился. Глаза его сверкнули – нехорошим, маниакальным блеском.

– А давай… – начал он, и Ваня сразу понял: сейчас будет что-то, от чего потом придётся прятаться в канализации. – Давай вклинимся в их трансляцию? Сделаем своё шоу!

– Своё шоу? – переспросил Ваня. – Ты хочешь устроить радиоэфир для роботов эльфов, которые мечтают нас убить?

– Именно! – Петя хлопнул в ладоши, отчего с потолка осыпалась штукатурка. – Представь: они слушают свои унылые протоколы, а тут – бац! – «Доброе утро, уважаемые роботы! Сегодня в программе: как не сойти с ума в мире, где все хотят тебя разобрать на запчасти!»

Борька, до этого молча точивший нож у стены, поднял голову:

– Серьёзно полагаешь, что план сработает? Или тебе просто не терпится, чтобы нас поскорее обнаружили?

Но Петя уже рылся в куче хлама, выбрасывая на пол ржавые пружины, обломки пластиковых игрушек и что-то, подозрительно похожее на глаз от куклы-монстра. Через минуту он торжественно поднял над головой:

Сломанный диктофон – корпус треснут, кнопка записи еле держится, а динамик хрипит, будто простуженный тролль.

– Нашёл в руинах магазина! – объявил Петя. – Он даже пишет, если потрясти. Ну, или притворяется, что пишет.

Банку с гайками – тяжёлую, ржавую, с торчащими болтами.

– Это для звуков, – пояснил он, встряхивая банку. – Можете воспринимать как оркестр из металлолома. А можете – как приближение армии роботов-эльфов. Как больше нравится?

Старый микрофон – пластиковый, с облупленной краской, когда-то был частью детской караоке-системы.

– Да он даже мышиный шёпот поймает, – сказал Петя, дуя в мембрану. – Ну, почти поймает. Если мыши, конечно, умеют шептать

Борька скрестил руки:

– И что ты собираешься говорить?

Петя достал из кармана засаленный блокнот и зачитал с пафосом, достойным ведущего утреннего шоу на радиостанции «Апокалипсис-FM»:

– Петя даёт первый совет для выживания в этом безумном мире, где все хотят тебя прикончить:

«Хочешь спрятаться от эльфа? Притворись мебелью. Только не шевелись и не вспоминай, что ты вроде как стул с такими вот палочками-ножками. А если эльф подойдёт совсем близко – попробуй тихонько скрипнуть. Вроде как обычный стул, понимаешь?»

Ваня не выдержал и фыркнул. Борька закатил глаза:

– Ты уверен, что это не ускорит наш конец?

– Конечно, уверен! – Петя уже подключал диктофон к радио, пристраивал микрофон, а банку с гайками поставил рядом – для «драматического эффекта». – Готовы? Начинаем «Шоу плюшевого медведя»!

Он нажал кнопку записи. Микрофон захрипел, будто пытался сказать: «Я слишком стар для этого». Петя набрал воздуха и произнёс с интонацией ведущего утреннего шоу:

– Добрый вечер, уважаемые эльфы! Сегодня в нашей программе – секреты выживания в мире, где все хотят вас разобрать на запчасти! Первый совет: если видите человека, притворитесь, что вы просто декоративный куст. Люди боятся кустов. Особенно тех, что моргают…

В этот момент диктофон издал странный звук, похожий на предсмертный стон, а банка с гайками опрокинулась, разбросав гайки по полу.

– …и это был звук паники! – быстро добавил Петя. – Оставайтесь с нами, будет ещё интереснее!

Борька закрыл лицо рукой. Ваня хохотал так, что чуть не упал со стула. А где-то в глубине эфира, казалось, даже эльфы на секунду замолчали – то ли от шока, то ли потому, что их процессоры перегрелись от попытки осмыслить услышанное.

– Ну что, – сказал Петя, довольный собой. – Теперь они точно знают: мы тут не просто выживаем. Мы развлекаемся.

Борька вздохнул:

– Если это шоу не станет нашим последним концертом, я лично вручу тебе премию «Самый безумный выживший».

– Премию? – глаза Пети загорелись. – А она будет в виде батарейки? Потому что нам их очень не хватает…

Запись «Шоу плюшевого медведя» проходила в три захода – будто репетиция апокалиптического варьете. Убежище тонуло в полумраке, лишь лампа над столом бросала дрожащий круг света, в котором кружились пылинки. Ваня, Петя и Борька расположились вокруг диктофона, словно трое безумных алхимиков, собирающихся вызвать духа радиоэфира.

Петя встал перед микрофоном, расправил плечи и принял позу, достойную ведущего вечернего шоу 1970-х. Глаза горят, улыбка – шире, чем у плюшевого медведя с оторванным ухом. Он набрал воздуха и выдал с пафосом, от которого даже ржавые трубы на стене вздрогнули:

– Добрый вечер, уважаемые эльфы! Сегодня в нашей программе – секреты выживания в мире, где все хотят вас разобрать на запчасти!

Ваня, сидевший рядом с банкой гаек, не удержался:

– Ты точно уверен, что они это оценят?

– Конечно! – Петя подмигнул. – Они же роботы. А роботы любят инструкции. Только наши будут… с изюминкой.

Он продолжил, копируя интонации дикторов из старых телешоу – с той самой ноткой оптимизма, от которой хочется одновременно смеяться и плакать:

– Первый совет: если видите человека, притворитесь декоративным кустом или попросту спрячьтесь. Люди боятся кустов. Особенно тех, что моргают. Да-да, моргают! У нас есть свидетельские показания от мистера Плюшевого Енота. Он видел и все знает, у него большая подзорная труба.

Ваня фыркнул. Борька, до этого молча точивший нож, пробормотал:

– Если они это услышат, их процессоры перегреются от когнитивного диссонанса.

Теперь роль досталась Ване. Он взял банку с гайками – тяжёлую, с торчащими болтами, будто миниатюрный арсенал.

– Готов? – спросил Петя.

– Как никогда, – вздохнул Ваня и начал трясти банку.

Звук вышел впечатляющим: будто десяток железных ведер катится по лестнице, а за ними гонится стая разъярённых роботов эльфов.

Петя, не теряя ритма, продолжил:

– А теперь – звуки реальной паники! Записывайте второй совет: если робот эльф приближается, возьмите банку с гайками, потрясите её и громко скажите: «Это не я! Это ветер!»

Ваня тряс банку с таким усердием, что одна гайка выскочила и ударилась в стену. Петя, не моргнув глазом, добавил:

– О! Вот и пример! Слышите этот звон? Это знак, что вы на верном пути. Или что у вас закончились гайки. Но это уже детали.

Борька, наблюдая за этим, покачал головой:

– Вы оба сошли с ума. Но, чёрт возьми, это забавно.

Он не стал брать микрофон – просто встал рядом и, когда Петя сделал паузу, прорычал низким, утробным голосом:

– Это не я! Это ветер!

Петя, не сбиваясь с ритма, тут же подхватил:

– Вот! Слышите? Это голос разума. Или голос Борьки. Но разница невелика. Третий совет: если вы слышите это, значит, вы всё делаете правильно. Или неправильно. Но кто вообще определяет, что правильно в мире, где эльфы вещают про протоколы, а люди прячутся в убежищах?

Борька повторил, на этот раз с интонацией обиженного медведя:

– Это не я! Это ветер!

– И это наш финальный аккорд! – провозгласил Петя. – Оставайтесь с нами, будет ещё интереснее. Или нет. Но мы постараемся.

Когда запись была готова, Ваня подключил диктофон к радио и нажал «пуск». В динамиках раздалось:

«Добрый вечер, уважаемые эльфы!..»

Петя хлопал в ладоши, Ваня тряс банку (уже просто для удовольствия), а Борька, глядя на это, пробормотал:

– Если это не станет нашей последней шуткой, я лично вручу вам медали. «За отвагу и глупость».

– Медали? – глаза Пети загорелись. – А они будут светиться?

– Нет. Но зато их можно использовать как оружие, если роботы эльфы решат отомстить.

Затем повисла тишина. Такая густая, что её можно было резать ржавым ножом Борьки. Радиоволны, казалось, замерли в ожидании: а что, если это был просто сбой? Просто шум из развалин, просто игра умирающего эфира?

Но потом…

Первый эльф – тот, что патрулировал улицу у полуразрушенной аптеки, – вдруг остановился. Его оптические сенсоры моргнули раз, другой, а затем голова начала медленно поворачиваться, словно он пытался поймать звук, который не вписывался в протоколы. Он замер, наклонил корпус на три градуса влево, потом на пять вправо – будто искал источник этого безумия среди обломков мира.

– Что это было? – пробормотал Петя, прижимаясь к окну. – Он… он слушает?

Группа роботов у развалин школы – шесть фигур в тусклом свете заката – вдруг прервала марш. Один за другим они замерли, словно их программы столкнулись с непреодолимой стеной. А потом… захлопали.

Не руками – у них их и не было. Но динамики выдали серию коротких импульсов, ритмичных, почти весёлых. Ваня, увидев это, расхохотался:

– Они… они смеются?!

– Это не смех, – сказал Борька, но в его голосе звучала нотка неуверенности. – Это… сбой. Их процессоры пытаются обработать то, что не входит в базу данных.

Самый высокий эльф – видимо, старший по званию, если у роботов бывают звания – поднял руку, будто останавливая невидимый поток данных. Его голос, обычно монотонный и безэмоциональный, вдруг дрогнул:

«Ошибка. Юмор не входит в протокол».

Петя хлопнул в ладоши, словно повторяя роботов:

– Они запутались! Мы их перепрограммировали смехом!

Но самое смешное началось позже.

Робот-мебелист – один из патрульных, стоявший у разбитой витрины магазина, вдруг произнёс:

«Я мебель. Я очень скучная мебель».

Он повторил это трижды, каждый раз чуть меняя интонацию, будто пытался убедить самого себя. Потом сделал шаг назад и врезался в стену, больше не шевелясь.

– Он пытается стать частью мебели! – захохотал Петя. – Смотрите, как у него получается!

Танцующий робот – тот, что всегда отвечал за патрулирование парка, – вдруг начал двигаться, полагая, что кусты умеют танцевать. Не марш, не обход, а что-то, напоминающее танец. Его конечности дёргались в странном ритме, будто он услышал музыку, которую никто другой не слышал.

– Он думает, что это новое движение в дабстепе! – крикнул удивленно Ваня. – Или что мы устроили дискотеку конца света.

Робот-сова – модель с крыльями и большими круглыми сенсорами – попытался спрятаться, прекрасно понимая, что не станет кустом. Но не знал, как прятаться, его никто этому не обучал. Он наклонил корпус, приподнял крылья, затем резко опустил их, будто хотел накрыть себя. Но крылья не складывались. Он повторил попытку. И ещё раз.

«Не получается», – сообщил он наконец.

– Он… он разочарован? – спросил Петя.

– Он просто не умеет прятаться, – ответил Борька, но даже он не смог сдержать ухмылку.

В этот момент радио снова ожило. Голос Пети, записанный ранее, зазвучал в эфире:

«Если видите человека, притворитесь декоративным кустом или попросту…»

Робот-сова замер. Потом медленно повернул голову в сторону убежища.

– О, нет, – сказал Ваня. – Он все неправильно понял.

Робот-сова сделал шаг вперёд, затем ещё один. Его крылья снова приподнялись, но теперь он не пытался спрятаться – он шёл. Прямо к убежищу.

– Они сошли с ума! – хохотал Петя, но в его смехе уже звучала нотка тревоги.

– Они просто… запутались, – сказал Ваня, но в глазах у него тоже прыгали черти. Он понимал: это не просто забавный сбой. Это – трещина в их системе.

Борька мрачно добавил:

– Теперь они либо убьют нас за это, либо сделают звёздами их радио.

В этот момент радио выдало ещё одну фразу – на этот раз новую, не из записи:

«Повторить: объект „Петя“.

Вопрос: почему плюшевый медведь смеётся?»

Петя замер. Ваня перестал смеяться. Борька сжал нож.

– Они учатся, – прошептал Петя. – Они учат юмор.

– Или готовятся к ответному удару, – поправил Борька. – И я бы не стал ждать, пока они освоят шутки про батарейки.

Радио замолчало. Но тишина теперь была другой. Она была напряжённой. Где-то там, среди руин, роботы продолжали двигаться – но уже не по протоколу. Они искали. Они думали. Они смеялись.

Через день Ваня, не отрываясь от наушников, вдруг поднял руку:

– Тихо! Что-то новое…

В динамиках радио зазвучал сигнал – уже не монотонный, как раньше, а с явными нотками… раздражения. Слова складывались в фразы, от которых по спине пробежал холодок:

«Объект „Петя“: идентифицирован.

Рекомендация: отключить юмористический модуль.

Альтернатива: изолировать источник помех».

Петя, до этого момента рисовавший на обрывке газеты план вылазки за консервами, вскинул голову:

– О, они запомнили моё имя! – его лицо расплылось в широченной улыбке. – Мы стали знаменитыми!

– Это плохо, – отрезал Борька, не отрывая взгляда от заточки ножа. Лезвие блеснуло в тусклом свете. – Теперь они знают, кого искать. И поверь, искать будут не для автографа.

Ваня нервно поправил наушники.

В этот момент дверь убежища скрипнула. Мы замерли. Никто из нас не слышал шагов снаружи – только радио, только этот странный диалог с машинами.

На пороге стояла она.

Бабка Марья.

Седые волосы собраны в тугой узел, на плечах – старый вязаный платок, местами прожжённый, местами залатанный. В руках – котелок, от которого шёл пар. Её глаза – холодные, пронзительные – скользнули по нам, потом по радио, потом снова по нам.

– Ну и шум вы тут устроили, – сказала она без предисловий. Голос – как скрежет металла по камню. – Эльфы уже второй день крутятся у развалин школы. Думаете, это случайно?

Петя открыл рот, но не нашёл слов. Ваня снял наушники, будто они вдруг стали слишком тяжёлыми. Борька медленно положил нож на стол.

– Вы… вы кто? – наконец выдавил Петя.

Бабка Марья поставила котелок на стол, сняла платок, вытерла им лицо.

– Я та, кто знает, как выключить эту вашу «радиозвезду», – она кивнула на диктофон, всё ещё подключённый к радио. – Но сначала скажите: вы правда думаете, что смешите их? Или вы просто дразните зверя, у которого сто рук и ни капли терпения?

Ваня, собравшись с духом, спросил:

– Откуда вы знаете про радио?

Бабка Марья усмехнулась – так, что даже ржавые трубы на стене будто вздрогнули.

– Я знаю многое. Например, знаю, что эльфы не смеются. Они анализируют. И сейчас они анализируют вас. Ваш голос, ваши шутки, ваши страхи. – Она посмотрела на Петин план вылазки, на банку с гайками, на микрофон. – Вы думаете, вы их перепрограммировали юмором? Нет. Вы дали им новый протокол.

Петя попытался улыбнуться:

– Но они же спросили про плюшевого медведя! Это же почти шутка!

– Это не шутка, – отрезала Бабка Марья. – Это запрос данных. Они собирают информацию. О вас. О том, как вы думаете. Кого вы боитесь. Зачем вы смеётесь. – Она сделала шаг вперёд. – И когда они соберут достаточно информации, они придут, и вам будет совсем не для смеха.

В убежище повисла тишина. Только радио тихо шипело, будто прислушивалось.

Борька первым нарушил молчание:

– И что вы предлагаете? Выключить радио? Спрятаться?

Бабка Марья покачала головой:

– Нет. Вы уже в игре. Теперь нужно играть по-умному. – Она открыла котелок. Внутри – густой суп, от которого шёл запах трав и чего-то ещё… чего-то знакомого. – Сначала поешьте. Потом поговорим. Потому что если вы хотите выжить – вам понадобится не юмор. Вам понадобится знание.

Она достала ложки, раздала нам. Суп был горячим, почти обжигающим. И когда я сделал первый глоток, я вдруг понял, что именно мне напомнил этот вкус.

Это был вкус детства. Вкус дома. Вкус мира, где эльфы ещё не вещали на всех частотах, а плюшевые медведи не задавали вопросов.

И в этот момент радио снова ожило:

«Повторить: объект „Бабка Марья“.

Статус: неизвестен.

Рекомендация: запросить дополнительные данные».

Бабка Марья даже не вздрогнула. Она просто улыбнулась – так, что парням вдруг стало страшно. Потому что её улыбка не была тёплой. Она была острой.

Бабка Марья вела парней узкими проходами между руин – так уверенно, будто каждый обломок кирпича был ей знаком десятки лет. Парни перепрыгивали через ржавые балки, пригибались под обвисшими проводами, а она даже не замедляла шаг. В руке – всё тот же котелок, из которого до сих пор шёл пар, будто суп внутри не остывал никогда.

Вокруг царила зимняя мертвенная тишина. Снег, рыхлый и грязный, лежал на развалинах неровными пластами, будто кто-то небрежно накрыл город рваным одеялом. В некоторых местах сквозь белую пелену проступали ржавые каркасы машин, сломанные вывески, обломки мебели – словно кости давно погибшего зверя.

– Не отставать, – бросила она через плечо. – Тут есть места, где даже роботы эльфы не ходят. И не потому, что боятся. А потому, что знают, как для них опасно.

Петя, конечно, не удержался:

– Ну и пусть знают, что тут живёт самая крутая бабушка в постапокалипсисе.

Бабка Марья даже не улыбнулась. Только взгляд её, острый, как осколок стекла, скользнул по Пете:

– Ты ещё не понял, парень. Это не шутка. Это катастрофа мирового масштаба. А ты решил устроить тут цирк.

Ваня тихо толкнул Петю в бок:

– Молчи. Пока она не передумала нас спасать.

Ветер завывал между развалин, поднимая вихри снежной пыли. Где-то вдали, за поворотом, мелькнул бледно-голубой свет – наверняка эльфский сенсор. Он прорезал снежную пелену, на мгновение осветив обледеневшие провода, свисающие с разрушенного фасада, и тут же исчез.

Снег продолжал падать – не мягко, как в детских сказках, а тяжело, будто небо сыпало на землю пепел. На обломках стены у дороги виднелись следы: не звериные, не человеческие – угловатые, словно оставленные механическими лапами. Они вели вглубь руин, туда, куда мы направлялись.

Бабка Марья вдруг остановилась, прислушалась. В её глазах отразился тусклый отблеск далёкого света.

– Сюда, – скомандовала она, сворачивая в узкий пролом между двумя полуразрушенными домами. – И тише. Зимой звук разносится далеко.

Парни спустились по крутой лестнице, заваленной битым кирпичом. Внизу – тяжёлая металлическая дверь. Бабка Марья нажала на неё плечом, и та со скрипом открылась.

Внутри – тепло. Пахло травами, сухим деревом и чем-то… домашним. Не как в нашем убежище, где всегда витал запах горелого масла и страха.

– Это мой дом, – сказала она, ставя котелок на стол. – И тут есть правила. Первое: никакого радиошума. Второе: не трогать то, что не ваше. Третье: слушать, когда я говорю.

Петя сразу сник:

– Никакого радиошоу? Но… но как же мы будем их дразнить?

– Вы их не дразните, я снова обращаю ваше внимание, молодые люди – отрезала Бабка Марья. – Вы даёте им данные. А они учатся. И когда научатся, придут за вами. За мной. За остальными счастливчиками.

Она зажгла лампу – свет упал на стены, увешанные странными предметами: сушёные травы, старые книги, карты с пометками, которые никто из нас не мог разобрать.

– Здесь безопасно, – продолжила она. – Но только, пожалуйста, не привлекайте лишнего внимания, иначе мне придется попрощаться с вами.

Петя сел на старый стул, скрестил руки и надулся. Ваня, глядя на него, усмехнулся:

– Ну что, звезда эфира, как теперь развлекаться будешь?

– Я придумаю, – буркнул Петя. – Не может быть, чтобы тут совсем ничего интересного не было.

Он встал, начал бродить по убежищу. Осмотрел полки с банками (там что-то булькало), потрогал старую швейную машинку (она тихо скрипнула), заглянул в угол, где лежали стопки газет (пожелтевших, с заголовками, которых уже не помнили).

– Вот! – вдруг воскликнул он, вытаскивая потрёпанный альбом с фотографиями. – Это же… это же реальные люди!

На снимках – улыбающиеся лица, дети с воздушными шарами, женщины в цветастых платьях, мужчины с удочками у реки. Всё такое яркое, такое живое.

– Это мои внуки, – тихо сказала Бабка Марья, подходя ближе. – Когда-то они приезжали ко мне на лето.

Петя замер, потом осторожно положил альбом на место:

– Простите. Я не хотел…

– Ничего, – она вздохнула. – Это прошлое. Но оно помогает помнить, что мы не роботы. Что мы – люди.

Петя не сдался. Он нашёл старый граммофон (без пластинки, но с ручкой, которую можно крутить), пару потрёпанных книг (одна – про фокусы, другая – про выживание в лесу) коробку с цветными нитками, фигурку ангела.

– Ладно, – сказал он, садясь на пол. – Если нельзя радио, будем делать театр теней.

– Театр теней? – Ваня приподнял бровь. – Ты серьёзно?

– Конечно! – Петя уже разматывал нитки, привязывая их к пальцам. – Я буду показывать истории. Про героев, про монстров, про то, как мы однажды победим роботов эльфов.

Борька хмыкнул:

– И как ты это сделаешь?

– Вот так! – Петя сложил пальцы в фигуру, направил свет лампы на стену. На ней появилась тень – то ли дракона, то ли огромного медведя. – Смотрите! Это он – великий защитник. Он не боится эльфов. Потому что он знает: смех сильнее страха.

Бабка Марья наблюдала за этим молча. Потом сказала:

– Если ты сможешь заставить их смеяться – заставь. Но не ради шутки. Ради спасения собственной жизни.

Петя улыбнулся:

– Обещаю. Но если вдруг я передумаю – вы знаете, где меня искать. В отделе «новых развлечений».

И он снова начал крутить ручку граммофона, создавая странный, но уютный тихий звук, который заполнил убежище. Не радиошум. Не сигнал эльфов. А что-то своё.

Серые сумерки просачивались сквозь узкие щели в ставнях, рисуя на полу убежища призрачные полосы. Бабка Марья сидела у окна, перебирая в руках потрёпанную вязаную салфетку – то ли пытаясь починить, то ли просто находя утешение в знакомом движении пальцев.

В углу, прислонившись к стене, дремал Борька. Его куртка, измятая и в пятнах машинного масла, лежала рядом – он явно только что вернулся с очередного обхода периметра. Ваня, сидя на опрокинутом ящике, методично чистил старый радиоприёмник, время от времени бросая взгляд на Петю, который бродил по убежищу, словно загнанный зверь.

Петя то подходил к полке с банками (там что-то булькало, будто недовольное существо), то трогал старую швейную машинку (она тихо скрипнула, как бы протестуя), то заглядывал в угол, где лежали стопки пожелтевших газет.

– Всё не то, – пробормотал он, пиная носком ботинка пустую консервную банку. – Ни звука, ни света, ни… жизни.

Ваня поднял голову:

– А что ты хочешь услышать? Радио молчит уже месяц. Эльфы глушат всё на километр вокруг.

– Не радио! – Петя резко развернулся. – Что-то… своё. Чтобы не чувствовать себя как в гробнице.

Борька приоткрыл один глаз:

– В гробнице хотя бы тихо. А у нас ты вечно что-то выдумываешь.

Петя проигнорировал сарказм. Он подошёл к окну, за которым медленно падал снег – безмолвный, равнодушный. На стекле, покрытом инеем, он провёл пальцем, стирая узор.

– Завтра… – он запнулся, словно сам не верил в то, что собирался сказать. – Завтра Новый год.

В убежище повисла тишина. Даже генератор, тихо урчавший в углу, будто замер.

Бабка Марья медленно отложила салфетку:

– И правда. Я и забыла… Сколько уже лет мы не отмечали?

– Пять, – коротко ответил Ваня, не отрываясь от приёмника. – С тех пор как перестали ловить сигналы из-за пределов зоны.

Петя обернулся, и в его глазах вспыхнул огонёк, который друзья давно не видели:

– Так давайте отметим. Не по-настоящему, конечно… Но хоть как-то. Чтобы вспомнить, что мы ещё… люди.

Борька хмыкнул:

– Люди, которые прячутся в подвале и боятся включить лампу на полную мощность. Отличный праздник получится.

– Не надо полной мощности! – Петя уже начал рыскать по углам, вытаскивая коробки с «сокровищами». – Мы сделаем всё тихо. Без радио, без фейерверков… Но с чем-то своим. С тем, что нельзя отнять.

Ваня отложил отвёртку:

– Ты же понимаешь, что любая попытка создать «своё» обычно заканчивается тем, что генератор перегружается, а танцующие медведи начинают плясать как одержимые?

– На этот раз всё будет иначе! – Петя вытащил из коробки потрёпанный альбом с фотографиями и осторожно открыл его. На снимках – улыбающиеся лица, дети с воздушными шарами, женщины в цветастых платьях. – Вот. Это то, что нам нужно. Память о том, как это было раньше.

Бабка Марья подошла ближе, глядя на фото:

– Да… Раньше всё было проще. Но и сейчас можно что-то сделать. Не для эльфов, не для сигналов – для себя.

Петя закрыл альбом, прижав его к груди:

– Вот! Давайте сделаем ёлку. Настоящую… ну, почти настоящую. Из того, что есть.

Борька вздохнул, но в его взгляде мелькнуло что-то, похожее на интерес:

– Из чего? Из ржавых гвоздей и обрывков проводов?

– Из всего! – глаза Пети загорелись ещё ярче. – Из мишуры, из пуговиц, из фольги… Главное – идея.

Ваня посмотрел на генератор, на свечи, на коробку с «танцующими медведями», а потом на друзей. В его глазах тоже появился отблеск чего-то давно забытого – не то надежды, не то детской радости.

– Ладно. Но если всё пойдёт не так, виноват будешь ты.

– Конечно! – Петя расплылся в улыбке. – Но сначала давайте попробуем.

И в этот момент, словно в ответ на его слова, снег за окном закружился сильнее, а в щели ставен пробился слабый луч света – будто сама зима давала знак: «Попробуйте»

В убежище бабки Марьи царила необычная для этих стен атмосфера. Воздух наполнял смешанный запах: чуть уловимый аромат сухих трав, едва заметная сырость и лёгкий оттенок машинного масла. Где-то в углу тикал будильник, отсчитывая секунды до очередной шалости Пети.

– Петя прав: без праздника мы тут все одичаем, – вдруг заявила Бабка Марья, выпрямившись и окинув взглядом серые будни убежища.

И понеслось.

Петя, едва услышав про праздник, метнулся в угол, где хранил свои «сокровища». Через минуту он уже тряс перед друзьями коробкой, набитой всякой всячиной: ржавые гайки, обрывки мишуры, пуговицы с узором, сломанный фонарик. Глаза его горели вдохновением.

– Это всё на ёлку! – провозгласил он. – Гайки будут шарами, мишура – гирляндами, пуговицы – снежинками!

Борька, наблюдавший эту сцену, фыркнул:

– Если повесить всё это на ёлку, она рухнет под тяжестью твоей гениальности.

– Это не гениальность, это креатив! – парировал Петя, не отвлекаясь от сбора «украшений».

Ваня молча подобрал с пола блестящий осколок и добавил его в коробку.

– Вот. Теперь точно креатив.

Ёлка – каркас из скрученных металлических прутьев – стояла посреди комнаты, напоминая гибрид кактуса и колючей проволоки. Петя торжественно водрузил на вершину «звезду»: старую лампочку, обмотанную фольгой от консервной банки. Он отступил на шаг, заложил руки за спину и спросил с гордостью:

– Ну как?

– Как будто ёлку атаковал робот-декоратор, – не удержался Борька.

– Это стиль! – настаивал Петя.

Бабка Марья критически осмотрела конструкцию, вздохнула и достала нитки с иголкой.

– Сейчас мы её… облагородим.

Через час ёлка уже не выглядела столь угрожающе. Она обросла лоскутами разноцветного плюша, обрывками вязаных салфеток, пуговицами, пришитыми крест-накрест, парой старых значков «для солидности», как пояснил Петя.

– Теперь она похожа на бродячего артиста, – заметил Ваня.

– На артиста цирка! – радостно подхватил Петя.

Когда ёлка была готова, Петя решил проверить «эффект». Он включил генератор на полную мощность – лампы зажглись ярче, а танцующие медведи в углу начали медленно двигаться.

– О! Они реагируют! – завопил Петя.

Но тут один медведь, словно сошедший с ума, резко развернулся и ударил лапой по коробке с «подарками». Банки с водой покатились по полу.

– Петя, ты что, запрограммировал их на разгром? – рявкнул Борька, ловя банки на лету.

– Они просто… воодушевлены праздником! – отмахнулся Петя.

Ваня, проверяя провода, покачал головой:

– Если они продолжат в том же духе, завтра ёлка будет лежать в руинах.

– Тогда мы её пересоберём! – оптимистично заявил Петя.

Бабка Марья взялась за «праздничный стол» – ту самую дверь, положенную на козлы. Она разложила самодельные свечи из воска и проволоки, «салфетки» из обрезков ткани, а в центре поставила «вазу» – банку с веточками сушёных трав.

– А где еда? – спросил Борька, глядя на это с подозрением.

– Еда будет завтра, – строго ответила бабка Марья. – А это для красоты. Чтобы не забыть, что мы люди, а не крысы в подвале.

Петя тут же добавил «украшение»: маленькую куклу без головы, но в вязаном шарфе.

– Это наш тотем, – пояснил он.

– Тотем чего? – уточнил Ваня.

– Тотем выживания! – гордо ответил Петя. – Чтобы помнить: даже в самых странных обстоятельствах мы можем создать что-то своё.

Борька скептически приподнял бровь, но промолчал.

Тем временем Петя, вдохновлённый процессом, начал вспоминать прошлые праздники. Он достал потрёпанный альбом с фотографиями – те самые снимки улыбающихся лиц, детей с воздушными шарами, женщин в цветастых платьях, мужчин с удочками у реки.

– Смотри, – показал он Ване, – вот так раньше отмечали Новый год. Люди собирались вместе, смеялись, украшали дома…

Ваня кивнул, разглядывая фото:

– Да, это было… по-другому.

– Но мы тоже можем так! – воскликнул Петя. – Пусть наша ёлка кривая, пусть свечи из проволоки, но это наше празднование. И это важно.

Борька вздохнул:

– Ладно, допустим. Но помни: любая вспышка света – маяк для эльфов. Они уже ищут нас.

– Не вспышка, а символ, – твёрдо сказал Петя. – Символ того, что мы ещё живы. Что мы не сдались.

Бабка Марья внимательно посмотрела на ребят:

– Вы точно сумасшедшие. Но, может, именно это нас и спасёт.

Она достала из шкафа старую шаль и накинула её на плечи:

– Давайте-ка я вам покажу, как раньше делали гирлянды из бумаги. Это безопасно и красиво.

Пока Бабка Марья показывала, как складывать и резать бумагу, Ваня начал осторожно проверять генератор.

– Двенадцать батареек от танцующих медвежат, – пробормотал он. – Если экономить, хватит на пару часов.

– Значит, будем экономить, – согласился Петя. – Главное – не яркость, а атмосфера.

К вечеру убежище преобразилось. Ёлка-3000, украшенная лоскутами, пуговицами и бумажными гирляндами, стояла в центре комнаты. На «праздничном столе» мерцали самодельные свечи. В воздухе витал едва уловимый запах воска и старых трав.

Борька окинул взглядом результат:

– Выглядит… странно.

– Выглядит как наш праздник, – поправил Петя.

Ваня улыбнулся:

– И правда. Не идеально, но… по-своему.

Генератор тихо заурчал, лампы моргнули ярче. Ёлка замерцала в полумраке – не праздничнo, не красиво, но… по-своему. Как будто говорила: «Мы ещё живы. И мы ещё можем смеяться».

За час до полуночи все собрались у ёлки. Бабка Марья развесила последние пуговицы. Ваня проверил генератор – «чтобы не сдох в самый ответственный момент». Борька поставил у ёлки лопату – «на всякий случай». Петя зажёг свечи и торжественно объявил:

– Теперь всё идеально!

В этот момент один из медведей вдруг замер, а потом резко поднял лапу.

– Он нам машет! – воскликнул Петя.

– Это скачок напряжения, – буркнул Борька.

– Нет, это новогоднее чудо! – возразил Петя.

Генератор издал тихий гул, лампы вспыхнули ярче, и ёлка засияла всеми своими странными украшениями: гайками, пуговицами и лампочкой-звездой.

– Ну что, – сказала Бабка Марья, улыбаясь, – с Новым годом, ребята.

Все переглянулись. Даже Борька не смог сдержать улыбку.

– С Новым годом, – тихо повторил Ваня.

А в углу, среди проводов и обломков, один из медведей снова поднял лапу – будто тоже поздравлял их с праздником.

Глава 2. Подарки: выживание с улыбкой

В глубине руин, там, где некогда шумел городской квартал, а теперь лишь ветер перебирает обломки бетона и металла, прячется наше новое убежище. Снаружи его не разглядеть – лишь груда мусора, будто природа уже начала поглощать следы человеческой цивилизации. Но если знать, куда смотреть, можно заметить узкую щель, прикрытую самодельным люком из скреплённых досок.

Переступаешь порог – и попадаешь в иной мир. Здесь пахнет машинным маслом, сушёными травами и едва уловимым ароматом жжёного сахара. Стены, укреплённые панелями от старых игровых автоматов и фрагментами пластиковых горок, хранят память о беззаботных днях. Потолок подпирают балки, украшенные гирляндами из разноцветных пуговиц и осколков зеркал – словно звёздное небо в миниатюре.

В центре убежища царит ёлка. Не та, к которой привыкли в довоенные времена, а творение из обломков: каркас из скрученных металлических прутьев, украшенный осколками ёлочных шаров, миниатюрными куклами без лиц и светодиодами, вырванными из сломанных игрушек. Под ней – ящики с пронумерованными отсеками, где бережно хранятся банки с водой, сушёные корни и инструменты. Каждый предмет – на счету, каждая вещь – часть хрупкой системы выживания.

В углу у зарешёченного окна расположилась бабка Марья со своим верстаком из сколоченных поддонов. Стол завален обрывками плюша, мотками проволоки и ниток, самодельными крючками и спицами. На стенах сушится её рукоделие: красная вязаная куколка из японских легенд, носки с узором из лапок, шапки с ушками, рукавицы с когтями – не просто одежда, а броня против холода и острых краёв руин. Её пальцы, привычные к любой работе, снуют между лоскутами, а в глазах – спокойная уверенность человека, который знает: даже в апокалипсисе нужно оставаться собой.

Тёмный закуток у дальней стены отдан механику Ване. Его стол усыпан инструментами: гаечные ключи, паяльник, мультиметр. Полки ломятся запасными деталями – шестерёнки, микросхемы, батарейки. На стене висит схема генератора, исчёрканная пометками. Ваня редко говорит, но каждое его слово – как гвоздь: коротко и точно. Он не просто чинит вещи – он возвращает им душу.

У входа, рядом с запасами, обосновался Борька. Его ящик с консервами обложен кирпичами для защиты, а рядом – стойка с «оружием»: лопата с приваренным шипом, гаечный ключ на цепочке. Над головой – самодельный календарь из картонных кружочков с выцарапанными датами. Борька ворчит, хмурится, но в его глазах читается не злость, а тревога за тех, кто рядом. Он – страж порога, последний рубеж перед хаосом снаружи.

В середине помещения стоит общий стол из двери, положенной на козлы. Его поверхность исцарапана надписями: «День 107», «Вода – 3 л», «Не трогать медвежьи батарейки!». Вокруг – ящики-сиденья, обитые ветошью. Здесь мы собираемся, чтобы обсудить планы, поделиться новостями, а иногда – просто помолчать вместе. В углу притаилась бочка с фильтрационной системой: вода капает в подставленную миску с тихим «кап-кап», напоминая, что жизнь продолжается.

Главное чудо убежища – генератор, прозванный «новогодним огнём». Его подвесили возле потолка, и выглядел он одновременно пугающе и причудливо: ржавые корпуса микроволновок, хаотично соединённые проводами. К этой конструкции были подключены шесть танцующих медвежат.

Корпуса игрушек были пробиты, из них торчали оголённые провода, но стоило медвежатам прийти в движение – в генераторе тут же загорались лампочки. Они мерцали тёплым, живым светом, напоминавшим огонь.

Рядом с конструкцией висела табличка, написанная, судя по всему, рукой Вани: «Кормить медведей каждые 4 часа (10 вращений)». Фраза звучала почти забавно – «кормить» механических медвежат! – но в этом была своя логика: пока игрушки вращались, пока гудел генератор, в убежище горел свет.

Этот свет значил гораздо больше, чем просто электричество. Для обитателей убежища он стал символом: человечество не сдалось. Несмотря на угрозу роботов, люди продолжали бороться, цеплялись за каждую крупицу нормальной жизни, за каждый проблеск тепла и света. Генератор и его «танцующие» помощники напоминали: даже в самых мрачных обстоятельствах можно найти способ выжить – и сохранить в себе человеческое.

Звуки убежища складываются в странную симфонию, пронизанную зимним холодом.

В углу мерно тикают самодельные часы – их механизм собран из внутренностей старой куклы. Тик-так, тик-так… Звук резкий, механический, но в нём угадывается что-то почти живое, будто кукла отсчитывает не время, а последние удары чьего-то сердца. Иней тонкими узорами ползёт по стенкам корпуса, превращая каждый щелчок в крохотный хрустальный звон.

Напротив, у стены, гудит генератор – его низкий рокот то и дело прерывается скрипом медвежьих суставов. Старый плюшевый медведь, пристроенный рядом как страж, будто ворочается во сне: его пластиковые конечности скрежещут при малейшем колебании воздуха. В щели между досками пробиваются ледяные струйки ветра, и тогда медведь вздрагивает, издавая протяжный, жалобный стон.

А за стенами – зима. Она вплетается в эту симфонию своими голосами: далёкие завывания ветра, пробирающегося сквозь руины, то набирают силу, то сходят на нет, будто кто-то играет на гигантской флейте с дырявыми клапанами. Иногда ветер швыряет в окна горсти снега – сухие, колючие удары, похожие на дробь крошечных копыт.

Сквозь эти звуки пробивается ещё один – едва уловимый, но настойчивый. Это вода, замерзающая в трубах. Капля за каплей она застывает, превращаясь в ледяные наросты, и каждый раз, когда очередная капля добирается до ледяной преграды, раздаётся тонкий, звенящий щелчок – будто кто-то невидимый бьёт по хрустальной струне.

Всё вместе – тиканье, гул, скрип, вой, звон – создаёт странную, почти гипнотическую мелодию. Мелодию зимы, одиночества и хрупкого тепла, которое ещё держится внутри этих стен.

Свет здесь особенный: розовато-оранжевый от генератора, дополненный свечами в жестяных банках (их зажигают только по праздникам) и светящимися палочками из игрушек (они тускнеют через два часа, напоминая о хрупкости всего сущего).

На стенах – следы борьбы: царапины от попыток взлома, заколоченное окно с осколками стекла в раме. Но рядом – и символы надежды: карта города с безопасными зонами, отмеченными наклейками с мультяшными персонажами; гирлянда из обрывков праздничных лент; кукла с оторванной головой, но в вязаном шарфе – «талисман», который, по словам Бабки Марьи, «охраняет».

Здесь, среди обломков прошлого, мы создали свой мир. Мир, где ёлка из металла становится центром праздника, где носки из тряпок согревают лучше любых пуховиков, а генератор на медвежьих батарейках дарит свет, который не погаснет, пока мы вместе. Это место, где традиция и человечность не просто выживают – они сопротивляются хаосу, превращая руины в дом.

Бабка Марья рассказала ребятам, что нашла это место случайно – в тот день, когда небо было серым, как старая жесть, а в воздухе висел запах горелых микросхем. Бежала, не разбирая дороги, лишь бы уйти от лязга и скрежета роботов-эльфов, преследовавших ее по развалинам города

Петя не сразу заметил неровность в груде обломков – едва заметный проём, скрытый под слоем искорёженного пластика и плюшевых игрушек с оторванными руками. Борька, не тратя времени, начал разгребать завал. Через полчаса ребята уже спускались по ржавой лестнице, а сверху доносился металлический скрежет – роботы обшаривали руины.

Первое впечатление – просто удар под дых. Заходишь, и сразу в нос бьёт запах: сырость пополам с машинным маслом. Мерзкое сочетание, аж горло перехватывает.

Потолок – смотреть страшно. В некоторых местах обвалился напрочь, торчит ржавая арматура, будто кости из разорванной раны. А по полу… по полу эти тени шныряют. То ли крысы, то ли – не дай бог – что-то ещё похуже. Глаз не успеваешь поймать, только шелест да мельтешение по углам.

В самом углу свалены коробки с игрушками. Глянешь – и мороз по коже. Плюшевые звери с пустыми, мёртвыми глазами. Сломанные машинки, у которых колёса криво болтаются. Куклы – а у них лиц нет. Совсем. Просто гладкие, безликие головы.

И сразу понятно: это место давно умерло. Давно и окончательно. Как будто сама жизнь отсюда ушла, оставив только эти жуткие останки.

Но уже на третий день все начали замечать, что здесь есть шанс выжить. Борька первым оценил преимущества: узкий лаз легко заблокировать, стены достаточно крепкие, чтобы выдержать удар, а старый дренаж в углу давал хоть немного воды. Он тут же принялся мастерить заслон из бетонных осколков и натягивать проволоку с колокольчиками – первую линию обороны.

Ваня, осмотрев трубы под потолком, кивнул: «Вентиляция. Можно наладить». Его руки, перепачканные маслом, уже тянулись к обломкам микроволновок – он видел в них не мусор, а детали для будущего генератора.

Бабка Марья, несмотря на сырость и холод, сразу нашла себе занятие. Она разложила на ящике обрывки плюша и проволоки, достала крючок и начала вязать. «Носки, – пояснила она, заметив недоумённый взгляд ребят. – Чтобы ноги в тепле были. А то совсем одичаем». Её пальцы, узловатые от возраста, но удивительно ловкие, сновали между нитями, превращая мусор в нечто тёплое и живое.

А Петя… Петя всегда видел то, чего не замечали другие. Он раскопал в углу коробку с танцующими медвежатами – их корпуса были поцарапаны, глаза потухли, но батарейки ещё держали заряд.

– А если их… заставить работать? – пробормотал он, уже вовсю вытаскивая провода.

И ведь сработало! Через неделю его «ожившие» медведи уже крутили лапами, заряжая генератор. Ваня собрал его из обломков микроволновок – кто бы мог подумать, что это вообще возможно? А когда в лампочке вспыхнул первый свет, мы все как один замерли. Не просто свет – знак. Чёткий такой знак: «Мы можем здесь жить. Реально можем».

Со временем подвал перестал быть просто укрытием. Он превращался в целый мир – мир нового человечества.

Бабка Марья, например, развесила сушиться носки и шапки. Они колыхались на верёвках, как какие-то странные флаги. И будто кричали всем ветром: «Мы ещё здесь! И роботов не боимся – дадим отпор, не сомневайтесь!»

Ваня не терял времени: укрепил стены панелями от старых игровых автоматов. А потолок украсил – вот уж фантазия! – гирляндами из пуговиц и осколков зеркал. Те ловили свет и рассыпали его по углам, точно звёзды.

А потом они устроили «ёлку». Настоящую такую, но из металлических прутьев. Украсили осколками ёлочных шаров и светодиодами – те вытащили из сломанных игрушек. Под «ёлкой» сложили «подарки»: банки с водой, сушёные корни, инструменты.

И знаете… Каждый предмет тут имел своё значение. Каждое действие становилось каким-то ритуалом. Напоминало нам: «Мы ещё люди. Мы здесь. И мы держимся».

Говорили-то всё про новый переезд… И вот однажды Петя притаскивает карту, тычет пальцем в больницу неподалёку:

– Тут места больше! Гляди!

А на следующий день приходит – на лице царапины, вид встревоженный:

– Там… роботы. Они там как у себя дома. Ходят строем, будто кого-то ждут. Честно, жутковато.

Борька потом нашёл заброшенный бункер – крепкий, надёжный, вроде бы то, что надо. Но – без окон совсем. Постоял, посмотрел, поморщился:

– Как в могиле, честное слово.

И всё, больше про бункер ни слова. Забросил эту тему напрочь.

Здесь же было всё, что нужно: стены, выдерживающие удар, вода, просачивающаяся сквозь трещины, обломки игрушек, из которых можно сделать хоть что-то. На стене до сих пор висит фото в рамке, найденное в руинах. Кто-то улыбается на нём, и это напоминает: мир был другим.

Сейчас, глядя на мерцающий свет генератора, на ёлку из металла, на носки, сушившиеся у импровизированного очага, Петя понимал: это не просто убежище. Это – человеческий ответ хаосу, что царил вокруг. Они праздновали «Новый год», зажигая свечи в жестяных банках. Остатки человечества вязали чинили, изобретали – потому что без этого они бы перестали быть собой. Они слушают, как за стеной скребутся роботы, готовые вот-вот атаковать по мановению своих шестеренок, и знают: пока они здесь, эльфы не победили.

Это место – не случайность. Это выбор. Выбор остаться людьми, даже когда мир вокруг превратился в груду игрушек-убийц.

Всё началось с того, что Петя решил «улучшить» систему энергоснабжения.

– Ребята, – заявил он за завтраком (если можно назвать завтраком размоченные в воде корни и горсть сушёных ягод), – а что, если мы подключим к генератору всех танцующих медвежат? Не только тех шести, что у нас уже работают. Там, в дальнем углу склада, ещё целая коробка лежит! Представляете, сколько энергии будет?

Борька только фыркнул, не отрываясь от заточки лопаты:

– Петя, ты когда-нибудь сдохнешь от своей любознательности.

– Но ведь это же логично! – не унимался Петя. – Чем больше медведей – тем больше света! – Чем больше медведей, – перебил Ваня, – тем больше шансов, что они все разом сломаются и мы останемся без света в темноте.

– А я считаю, надо попробовать! – Петя уже вскочил и потянулся к своей «исследовательской» сумке. – Это же прогресс!

Бабка Марья, вяжущая очередной носок из обрывков плюша, подняла глаза:

– Только смотри, чтобы эти твои медведи нам тут всё не разнесли. Они и так иногда как заведут свой танец – аж стены дрожат.

Но Пети уже не было. Он умчался в дальний угол подвала, где хранились коробки с игрушками. Через пять минут оттуда донёсся радостный вопль:

– Нашёл! Целая коробка! Сейчас мы их всех подключим…

– Будет катастрофа, – закончил Ваня, глядя, как Петя подключает второго медведя.Мы бросились на звук. Петя уже вытаскивал медвежат из коробки, а рядом с ним валялись провода, ножницы и моток изоленты. – Ты что творишь?! – рявкнул Борька. – Эксперимент! – гордо ответил Петя, приматывая провод к лапе первого медведя. – Сейчас они начнут танцевать, и у нас будет… будет…

И катастрофа не заставила себя ждать.

Как только Петя замкнул цепь, все двенадцать медведей вдруг одновременно зашевелились. Их глаза вспыхнули красным, лапы начали дёргаться, а из динамиков вырвался нестройный хор:

– Танцуй со мной! Танцуй со мной! Танцуй со мной!

Сначала это было даже забавно. Медведи крутились, подпрыгивали, размахивали лапами – словно устроили дискотеку в подвале. Но через минуту их движения стали хаотичными. Один медведь врезался в ящик, другой упал на бок, третий начал бешено вращаться, разбрасывая искры.

Генератор взвыл. Лампочки замигали, а потом одна из них взорвалась с громким хлопком.

– Отключай! Отключай! – заорал Борька, но Петя уже сам метался между медведями, пытаясь выдернуть провода.

Ваня бросился к щитку, но в этот момент один из медведей, словно сошедший с ума, подскочил к нему и начал лупить лапой по колену. Ваня отпрыгнул, споткнулся о ящик и рухнул на кучу тряпья.

Бабка Марья, наблюдавшая за этим с безопасного расстояния, вдруг громко сказала:

– Так! Всё! Хватит веселья.

Она подошла к генератору, взяла вязальную спицу (ту самую, которую держала как оружие в прошлый раз) и решительно воткнула её в один из проводов.

Раздался щелчок. Медведи замерли. Свет погас.

В полной темноте раздался голос Пети:

– Ну… зато мы теперь знаем, что двенадцать медведей – это слишком.

Через пять минут Ваня восстановил питание от основной линии. Лампочки зажглись снова, но теперь уже спокойно, без мигания.

Борька сидел на ящике, держась за голову:

– Я говорил. Я же говорил!

Бабка Марья вздохнула:

– А я говорила: не трожь то, что работает.

Ваня, отряхиваясь от пыли, кивнул на медведей:

– Их надо разобрать. Или хотя бы отключить лишние.

Петя возразил:

– Зато было весело! И теперь мы знаем, как устроить дискотеку.

– Дискотеку? – переспросил Борька. – Ты хочешь сказать, похороны?

– Нет! – Петя широко улыбнулся. – Праздник! Когда всё наладится, мы устроим праздник. С танцами. И с настоящими медведями.

Бабка Марья хмыкнула, но в глазах её мелькнула улыбка.

– Ладно. Только в следующий раз предупреждай, прежде чем устраивать танцы с медведями. А то я уже думала, что придётся отбиваться спицами.

Ваня покачал головой, но тоже улыбнулся:

– Главное, чтобы генератор выжил.

А в углу, среди обломков и проводов, один из медведей вдруг тихо прошептал:

– Танцуй со мной…

Все вздрогнули.

– Это не я! – быстро сказал Петя.

Борька вздохнул:

– Всё. Я ухожу. Кто-нибудь, следите за медведями.

Год назад. Зима.

Петя брёл по руинам, засунув руки в карманы и втянув голову в плечи – холод пробирал до костей, а ветер свистел в обломках бетона, будто насвистывал похоронный марш. Снег лежал грязно-серым ковром, испещрённым следами: то ли звериными, то ли… не очень звериными.

«Ну и погодка, – думал Петя, перепрыгивая через ржавую балку. – Прямо как в фильме ужасов. Только маньяка не хватает».

И тут из-за полуразрушенного дома вышел волк.

Не тощий бродячий пёс, не испуганный лесной зверь – а настоящий монстр: шерсть свалялась сосульками, глаза горят жёлтым огнём, пасть приоткрыта, будто он уже прикидывал, с какой части тела начать обед.

– О, – сказал Петя. – Вот и маньяк.

Волк зарычал – звук был такой, словно кто-то рвал железный лист. Петя попятился, но споткнулся о камень. В этот момент из-под снега выскочила банка из-под консервов и с грохотом покатилась прямо под лапы хищника.

Банка остановилась.

Волк замер.

Петя затаил дыхание.

Волк наклонил голову, принюхался, потом осторожно ткнул банку лапой. Она звякнула. Зверь снова принюхался. Потом лизнул. Потом – к ужасу Пети – сел и начал толкать её носом, будто играл в футбол.

– Ты… ты что, шутишь? – прошептал Петя.

Волк на секунду отвлёкся от банки, посмотрел на него с явным упрёком («Ты мешаешь мне развлекаться!») и снова принялся гонять консервную «игрушку» по снегу.

Петя медленно поднялся, отряхнулся и попятился. Волк даже не обернулся – он был полностью поглощён новым хобби.

– Ну и ладно, – пробормотал Петя, ускоряя шаг. – Пусть играет. Главное, чтобы не сделал из меня вторую банку.

Он оглянулся лишь раз – волк всё ещё гонял консерву, время от времени издавая довольное урчание.

«Вот так, – подумал Петя, ёжась от холода. – Даже у хищников бывают детские радости. А у меня – только страх и мокрые трусы».

Ветер снова взвыл, и Петя прибавил шагу. Где-то впереди маячил силуэт заброшенной котельной – возможно, там можно было согреться. Или хотя бы спрятаться от волков-футболистов.

На ходу он машинально потрогал лямку исследовательской сумки, висевшей через плечо. В ней всегда было что-нибудь полезное: моток изоленты, пара гаечных ключей, фонарик на солнечных батареях (хоть и дохлый), а ещё – три батарейки от старых игрушек, которые он берег на крайний случай.

«Если там есть генератор, – размышлял Петя, – может, получится что-то сообразить. Хотя бы свет. Или… ну, не знаю. Что-нибудь».

Он похлопал по сумке, словно проверяя, на месте ли надежда, и шагнул в проём полуразрушенной двери котельной.

Утро 29 декабря выдалось на редкость спокойным. Генератор работал ровно, за стенами убежища не слышалось скрежета роботов-эльфов, а Бабка Марья как раз закончила вязать очередной «праздничный» шарф из разноцветных лоскутов.

– Ну что, народ, – объявил Петя, торжественно выставляя на стол горсть сушёных корней, – сегодня у нас особый день! Я придумал новое блюдо!

Борька, чистивший лопату, поднял бровь:

– Только не говори, что это «суп из семи трав с ароматом пепла».

– Лучше! – Петя сиял. – Это… «корневые котлеты»!

Ваня оторвался от проверки проводов:

– Корневые котлеты?

– Ага! – Петя воодушевлённо размахивал ножом. – Мы их измельчим, слепим в шарики, подсушим на батарее генератора – и будет почти как настоящие котлеты!

Бабка Марья осторожно потрогала один корень:

– Они же жёсткие, как дерево.

– Значит, надо дольше толочь! – не сдавался Петя. – А потом добавим… – он задумался, оглядывая убежище, – …немного соли!

– Соли? – переспросил Борька. – У нас её три крупинки осталось.

– Вот именно! – Петя торжествующе поднял палец. – Это сделает блюдо эксклюзивным!

Через полчаса убежище превратилось в импровизированную кухню. Петя орудовал камнем вместо ступки, Ваня неохотно помогал, перетирая корни в порошок, а Борька стоял на страже, чтобы «эксперимент» не вышел из-под контроля. Бабка Марья наблюдала с безопасного расстояния, время от времени вздыхая.

– Так, теперь добавляем воду… – Петя плеснул из фляги. – Перемешиваем…

Масса получилась липкая, сероватая и подозрительно напоминала глину.

– А теперь – формовка! – Петя начал лепить шарики. – Вот это будет «котлета по-царски», а эта – «котлета мечтателя»…

Борька скептически разглядывал результат:

– Выглядят как камни. И пахнут… странно.

– Это аромат новизны! – парировал Петя. – Сейчас подсушим – и будет вкусно!

Он разложил «котлеты» на батарее генератора. Через десять минут помещение наполнилось странным запахом – смесью жжёного корня и машинного масла.

Когда «котлеты» наконец остыли, Петя торжественно раздал всем по кусочку.

– Ну, с почином! – сказал он и откусил.

Наступила тишина.

Петя жевал. Медленно. Очень медленно. Его глаза постепенно расширялись.

– Ну как? – осторожно спросил Ваня.

– Э-э-э… – Петя попытался проглотить. – Напоминает… древесину. С привкусом металла.

Борька, откусив крошечный кусочек, скривился:

– Я же говорил – камни.

Бабка Марья, деликатно отложив свой кусок, заметила:

– Может, их надо было отварить?

– Варить?! – Петя вдруг хлопнул себя по лбу. – Точно! Я забыл про варку!

– Ты назвал это «котлетами», – напомнил Ваня, – а котлеты жарят или запекают.

– Но корни же твёрдые! – всплеснул руками Петя. – Их надо сначала размягчить!

Борька фыркнул:

– То есть ты предложил нам есть сырые корни?

– Не сырые! – возразил Петя. – Подсушенные!

– Которые даже зубы не берут, – закончил Ваня, пытаясь отковырять кусочек от батареи.

В итоге «корневые котлеты» отправились в дальний угол, где их позже использовали как подставки под банки (чтобы не скользили).

Вечером, когда все сидели у генератора и пили чай из сушёных трав, Петя вдруг сказал:

– Знаете, а ведь блюдо почти получилось.

Борька закатил глаза:

– Почти – это когда оно съедобно.

– Но идея хорошая! – не унимался Петя. – В следующий раз попробуем варить. Или… запекать в консервной банке!

Бабка Марья вздохнула: – Петя, давай сначала научимся готовить то, что точно съедобно. А то я боюсь, что твои эксперименты нас всех в могилу сведут.

– В могилу? – Петя рассмеялся. – Да мы уже в ней! Только в уютной.

Все невольно улыбнулись. Даже Борька хмыкнул:

– Ладно. Но если ты снова решишь что-то «изобретать», предупреждай заранее. Я хотя бы запас сухарей сделаю.

А в углу, среди прочих сокровищ убежища, теперь красовалась надпись, выведенная углём на ящике:

«Корневые котлеты. Не есть.»

Петя брёл среди руин, утопая в собственных мыслях глубже, чем в снежных заносах. Зима тянулась бесконечно, и одиночество давно стало его постоянным спутником – настолько привычным, что он уже не замечал, как начал отвечать ему вслух.

– Так, куда теперь? – спросил он, останавливаясь у полуразрушенной арки. Голос звучал хрипло, будто чужой.

– Направо, – тут же ответил он себе, но уже другим тоном – чуть выше, с напускной бодростью. – Там вроде был магазин с консервами.

– А если там эльфы? – возразил первый голос, мрачный и скептичный.

– Тогда будем им петь! – жизнерадостно парировал второй. – Говорят, роботы не выносят фальшивого вокала.

Петя хихикнул, но тут же оборвал смех – звук разнёсся слишком громко, отскакивая от голых стен. Он втянул голову в плечи и пошёл дальше, шаркая по обледенелому асфальту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.